

Новокузнецкий постконструктивизм

Период 1920–1930-х гг. в Советском Союзе характеризуется значительными социальными, политическими, экономическими и культурными трансформациями. Все эти процессы не прошли бесследно, оказав значительное влияние на все сферы общественной жизни — от промышленности и градостроительства до художественной культуры и повседневности.

В рамках нашей темы остановимся подробнее на специфике трансформации архитектуры в 1930-е гг. — в период, ставший для города Сталинска (сегодня — Новокузнецка), решающим, когда при Кузнецком металлургическом комбинате (КМК) рос социалистический город, город нового типа. Градостроительная и жилищная политика той поры предопределила вектор развития города. Довоенные промышленные объекты, образцы архитектуры и особенности планировки и сегодня во многом предопределяет специфику городского пространства.

Стремительный рывок отечественной промышленности во время Первой пятилетки (1928–1932 гг.), как отмечают исследователи, повлек за собой социальный кризис — «оптимизм и подъем общества в первые послереволюционные годы, готовность мириться с лишениями и голодом во имя идеи давно сменились опустошенностью»¹. Именно в этот период начинается трансформация жизни советского человека с попытками построения уравновешенного, благополучного быта, с созданием комфортных условий для проживания.

Первый проект поселения при строящемся с лета 1929 г. КМК был составлен еще в 1928 г. инженерами-проектировщиками Гипромеза. Численность поселка, исходя из проектной мощности металлургического производства, оценивалась в 25 тысяч человек. Проект Гипромеза предполагал строительство поселка коттеджного типа преимущественно с одноэтажными домами и усадьбами, с обилием зеленых насаждений. На первых этапах строительства комбината (к осени 1929 г.)

1 Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М., 2020. С. 20.

предложенный Гипромезом проект поселка был отвергнут. Президиум крайисполкома, согласно постановлению от 2 октября 1929 г. поручает планировку «Нового Кузнецка» самому Кузнецкстрою. К предварительной разработке проекта, используя уже имеющиеся наработки Гипромеза, приступает технический отдел Кузнецкстрою; с другой стороны, московское представительство Кузнецкстрою обращается к Государственной технической конторе по проектированию новых фабрик и заводов «Госпроект» для выполнения этой организацией работ по проектированию поселка при строящемся заводе. В это же время предлагается расширить территорию будущего поселка с увеличением населения до 100 тысяч². Весной 1930 г. были подведены итоги объявленного «Госпроектом» конкурса, победителем которого оказался проект братьев Л.А. и А.А. Весниных. Подведение итогов конкурса совпадает с постепенным отказом от идеи полного обобществления быта советских рабочих, что сделало проект Весниных, предполагающий внедрения домов-коммун как основополагающего принципа социалистического города³, не отвечающим новым условиям. Так в 1931 г. рапортовалось о том, что «часть зданий в новом городе строится по типу обобществленного жилья — общежития и дома-коммуны. <...> Задача нового строительства — вовлечь возможно большее количество населения в производительный труд. Для этого надо прежде всего освободить от домашнего хозяйства женщину, облегчить ей уход и надзор за детьми»⁴. К середине 1930-х данная риторика сменяется отказом от подобных тенденций, как «не отвечающим современности», рассчитанным «на полное обобществление быта строительством домов-коммун»⁵.

Отсутствие проекта будущего города с одной стороны и уже заявивший о себе к 1930 г. жилищный кризис на площадке Кузнецкстрою

2 Лизогуб П.П. Формирование территории города Новокузнецка и его районирование // Кузнецкая старина. — Новокузнецк, 2008. Вып. 10. С. 133.

3 Веснин Л.А., Веснин Л.А. Проект планировки города Кузнецка // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 7–8.

4 Хренов И.П. От Кузнецкстрою к Кузнецкому металлургическому гиганту. М.; Л., 1931. С. 37.

5 Новокузнецкий краеведческий музей, научно-документальный фонд (НКМ, НФ-Д), Оп.1. Р. 6. Д. 18. Л. 191–192.

приводят к тому, что летом 1930 г. по чертежам «Госпроекта» закладываются фундаменты первых десяти четырехэтажных каменных домов (современная ул. Энтузиастов), ставших отправной точкой для формирующегося соцгорода и во многом предопределивших привязку к территории. От первых десяти капитальных зданий, выстроенных в отсутствие принятого концептуального плана, были вынуждены отталкиваться градостроители в дальнейшем. Так в своих воспоминаниях Э. Май, приступивший к работе в Новокузнецке в 1931 г., отметит, что его группе при выборе места для будущего жилмассива пришлось отталкиваться от места строительства первых 10 каменных домов Госпроекта: «Мы стремились использовать эти дома, причем старались, чтобы при этом не чувствовалось, что это отдельные дома...»⁶. В 1931–1935 гг. на территории Новокузнецка ведется масштабное капитальное строительство жилых кварталов по маевским проектам, представленных трех- и четырехэтажными жилыми зданиями. Э. Маем был применен принцип «строчной» застройки, выразившийся в расположении домов перпендикулярно улицам, с пешеходными путями вдоль фасадов домов. Помимо жилых зданий, по проектам архитектор из группы Э. Мая в первой половине 1930-х в городе возводятся и ряд образовательных учреждений — здания школ № 8 и № 12 (арх. В. Шютте) и дошкольных учреждений — ясли и детский сад (арх. М. Шютте-Лихоцки). Таким образом, к середине 1930-х гг. капитальная жилая застройка соцгорода была представлена зданиями по проектам бригады Э. Мая, а также десятью первыми каменными домами по чертежам Госпроекта.

Наряду со строительством жилых домов, в первой половине 1930-х гг. в Новокузнецке выстраивается ряд административных и общественных зданий в стиле конструктивизма: здание заводоуправления КМК (арх. А.Д. Крячков, 1929–1931 гг.), здание ФЗУ (арх. Б.В. Данчич, 1930–1931 гг.), кинотеатр «Коммунар» (Моспроект, 1932–1933 гг.), Театр металлургов (арх. Г. Коссель, 1933 г.), баня № 6 (1933), столовая для ИТР (1933), школа № 2 (1933–1934 гг.), поликлиника № 3 (1933–1934 гг.), пожарная часть (арх. Горбачевский, 1934–1936 гг.), здание Сибирского металлургического института (СМИ) (Госпроект, 1933–1938 гг.).

6 Цит. по.: Конышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М., 2018. С. 257.

Конструктивистские подходы в архитектуре в «переломный» период начала 1930-х гг. подвергаются значительному пересмотру. К 1933 г. можно говорить о следующих ключевых для истории советской архитектуры событиях: конкурс проектов на Дворец Советов, запрет деятельности творческих архитектурных группировок, дискуссия о социалистическом расселении, образование Союза советских архитекторов. Именно в этот период в идеологию советского градостроения постепенно проникают элементы монументальной патетики, оказавшие прямое влияние на модернизацию доминирующего архитектурного стиля, преопределившей концепцию «города-ансамбля». В архитектуре акцент смещается с «потребительского равенства» на идейно-художественные мотивы и ранжированный комфорт. Данный переходный этап рассматривается исследователями как постконструктивизм. Творческие поиски в этом направлении вел и архитектор И.А. Голосов, о чем он пишет в 1935 г. в журнале «Архитектура СССР»: «В данное время ищут возможности работы на основе принципов классической архитектуры, но без применения специфических классических ордеров и деталей...»⁷.

Применительно к Новокузнецку отметим, что в этот период начинается активная разработка генерального плана города, подготовленного в 1934 г. Мастерской № 2 Горстройпроекта (руководитель И.С. Гуревич) и утвержденного в качестве первого генплана Сталинска 22 июня 1936 г. (к слову, над оформлением проекта планировки работали и Х. Лейстиков — бывший член группы Э. Мая). Группой столичных архитекторов (среди которых Г.М. Мапу, Г.Я. Чалтыкьян, Л.Б. Каток, Л.М. Букалова, А.С. Смолицкий и др.) были подготовлены проекты планировок и проекты отдельных жилых и общественных зданий.

Уже с начала 1933 г. на страницах советских изданий, в том числе и в городской прессе Сталинска, появляется множество критических статей по отношению к маевскому проекту. Выступления отечественных градостроителей носили на первом этапе лишь профессиональный характер, но со временем критика переходит в исключительно идеологическую плоскость. Отметим, что скептическое отношение к проектам Э. Мая высказывалось еще на этапах их обсуждения, в конце

⁷ Голосов И.А. Творческие отчеты // Архитектура СССР. 1935. № 4. С. 51.

1930 г.: «Проект [группы Э. Мая] дает слишком сухую, жесткую и однообразную трактовку плана, приобретающего от этого казарменный вид... Несмотря на наличие в группе ряда талантливых проектировщиков... [их работа] выразилась все же в форме, ничем не отличающейся от города чисто капиталистического, стремящегося сконцентрировать жилье в ущерб здоровым нормам населения»⁸.

На этапах обсуждения генплана города в начале 1934 г. отказ от строчной застройки носил сперва скорее рекомендательный характер: «Отказ от строчной застройки, как правило (курсив мой — А.С.), признать правильным»⁹. Со временем принимается решение (отчасти реализованное в 1930-е гг., отчасти — в послевоенный период) о «скрытии» строчной застройки Э. Мая. В программной статье «План Сталинска», опубликованной в 1936 г. в журнале «Архитектура СССР», Л.М. Букалова и А.С. Смолицкий отмечают, что построенные по проектам Э. Мая жилые кварталы, «составляющие довольно большой район унылой строчной застройки», нуждаются в проекте перепланировки и частичной «реконструкции выстроенных ранее кварталов строчной застройки, с целью изменения характера застройки хотя бы по внешнему периметру проездов и улиц»¹⁰. В 1958 г. П.И. Отурин (на тот момент главный архитектор Сталинска) отмечал, что кварталы со строчными домами пришлось закрыть периметральной застройкой «не только с точки зрения эстетической», но также «из-за плохих условий жизни трудящихся», так как «по нашим условиям большой продуваемости есть необходимость иметь такую периметральную застройку»¹¹.

Новый монументальный подход генплана города повышал этажность городской застройки. В 1931 г. Э. Май отставал для Новокузнецка приоритет трехэтажного строительства над двухэтажным¹².

8 Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 9028. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.

9 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 65.

10 Букалова Л.М., Смолицкий А.С. План Сталинска // Архитектура СССР. 1936. № 1. С. 42–43.

11 Цит. по: Духанов С.С. Влияние региональных условий на проекты соцгородов Западной Сибири // Архитектон: известия вузов. 2016. №2(54). С. 61.

12 РГАЭ, Ф. 4372. Оп. 29. Д. 1070. Л. 130.

Согласно генеральному плану 1936 г. «...высота застройки [устанавливается] в 4-5 этажей с допущением более повышенной этажности в отдельных узлах города и на площадях»¹³.

В рамках набирающей обороты «борьбы с уравниловкой в архитектуре» конструктивистские и функционалистские тенденции ранней советской архитектуры окончательно отступают перед новой монументальной патетикой. Именно тогда в Сталинске намечается формирование основных улиц и проспектов города, проектирование нового общественного центра города — Центральной площади (сегодня — Театральная) на пересечении пр. Metallургов и ул. Кирова¹⁴.

К проектированию нового административного центра Сталинска (взамен существующей площади Побед перед КМК) приступили еще в 1934 г., когда архитектурной мастерской № 4 Моссовета было поручено проектирование зданий Дома Советов и гостиницы для г. Сталинска (арх. И.А. Голосов, В.М. Кусаков, А.Т. Капустина)¹⁵. Постановление президиума Сталинского горсовета о строительстве в Сталинске Дома Советов принято 16 ноября 1933 г. Постконструктивистский подход («простые и вместе с тем сильные выразительные формы», «спокойный ритм лоджий») и был реализован при подготовке проектов — «вынесенный на площадь центральный объем» и обработка центрального входа «пилонами, несущими на фронте скульптурную группу»¹⁶.

Проектированию и подготовке к строительным работам Дворца Советов в самом Сталинске, осмысляемому в качестве главного символа новой монументальной архитектуры, уделялось большое внимание. В апреле 1934 г. новокузнецкий архитектор Н.В. Фризель командировается в Москву для заключения договора с 4-й Архитектурной мастерской Моссовета по техническому составлению проекта дома Советов и его рабочих чертежей¹⁷. Тогда же приступают к подготовке площадки под

13 ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 18. Д. 132.

14 ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 66.

15 Работы архитектурных мастерских Моссовета за 1934 г. Т. 2. М., 1936. С. 22-26.

16 Кусаков В. Центральная площадь, Дом Советов и гостиница в Сталинске // Архитектура СССР. 1935. № 3. С. 35–36.

17 Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кузбасса в г. Новокузнецке» (ГАК в Новокузнецке). Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 55.

строительство Дома советов¹⁸, в рамках которой был снесен первый деревянный клуб металлургов, располагавшийся в то время на проектируемой Центральной площади, а в город прибывает архитектор В.М. Кусаков (один из авторов проекта Дома советов)¹⁹. В июле 1934 г. городская газета рапортовала об утверждении проекта Дома советов. Пресса Сталинска публикует проекты будущей площади Дома советов. В конце июля 1934 г. в городе была организована дискуссия по вопросам застройки и архитектурного оформления кварталов соцгорода (Дом советов, клуб металлургов, гостиница, жилой дом для ИТР). На дискуссии приглашались не только архитекторы и строители города, но и «все интересующиеся вопросом архитектурного оформления города»²⁰.

Здание Дворца Советов в Сталинске так и не было построено, но надежды не покидали новокузнецких архитекторов — планы приступить к активным строительным работам озвучивались вплоть до 1939 г.²¹. Летом 1938-го город активно включился в строительство Дворца Советов в Москве²². Рельсобалочный цех КМК по заказу Главного управления металлургической промышленности прокатал 6000 тонн уголка для Дворца Советов. В 1939 г. КМК продолжил прокат металла для строительства московского Дворца Советов. На долю КМК приходилось до 25% необходимого в 1939 г. для строительства металла²³.

Помимо нереализованных проектов Дома Советов и здания гостиницы на Центральной площади Сталинска, имя И.А. Голосова связано с архитектурой Новокузнецка в связи с самым большим в городе ансамблем жилых постконструктивистских зданий, построенных в 1935–1942 гг. на ул. Кирова (дома № 3, 5, 7 и 25). Стоит констатировать, что на данном этапе документальным подтверждением, указывающим на

18 ГАК в Новокузнецке. Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 56.

19 ГАК в Новокузнецке. Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 122–123.

20 Организуется дискуссия // Большеви́стская сталь. 1934. 29 июля.

21 Громов В.П. Социалистический город Сталинск // Сибирские огни. 1939. №4. С. 75–76

22 Заказ для Дворца Советов // Большеви́стская сталь, 1938. 12 августа.

23 Василенко С.С. Обеспечить выполнение заказов для строительства Дворца Советов // Большеви́стская сталь, 1939. 29 августа; Василенко С.С. Игнорирование заказов для Дворца Советов продолжается // Большеви́стская сталь. 1939. 5 сентября.

И.А. Голосова как на автора проектов этих зданий, мы не располагаем, но ряд работ 1950-х гг., посвященных истории новокузнецкой архитектуры приписывает авторство постконструктивистского ансамбля на ул. Кирова именно Голосову²⁴. Четырех-, пяти- и шестиэтажные в проекте здания, именуемые в 1930-е гг. как «дома-гиганты» являются яркими образцами постконструктивизма. Масштабные симметричные фасады, смещенные относительно друг друга корпуса каждого из зданий, выделение лестниц сплошным вертикальным остеклением, ленточные балконы, два из четырех зданий поставлены на приподнятый над тротуаром стилобат, первые этажи оформлены рустом. При сохранении лаконичности оформления и строгости объемов, здания обрели уже постконструктивистскую монументальность, образовав единый ансамбль по одной из сторон ул. Кирова. Показательно и то, что первые этажи зданий сразу были заняты торговыми помещениями (ювелирный, книжный магазины, аптека, магазин Союзтекстильшвейторга).

На преимущества данных зданий в 1939 г. указывал главный архитектор Сталинска Василий Петрович Громов, в то же время отмечая и их «переходное» значение: «Это уже не дома-коробки, как у Мая. Они в известной степени архитектурно оформлены, и каждый имеет свой облик. Но это еще только первые шаги к настоящей архитектуре, к зданиям, радующим глаз, рождающим у нас эстетическое чувство прекрасного. Перед сегодняшними строителями города Сталинска стоит задача сооружения именно таких зданий, несложных в работе и совершенных по своему содержанию и форме»²⁵.

Привлечение широких масс трудящихся к обсуждению архитектурно-планировочных проектов является одной из особенностей рассматриваемого периода. Этим, по замечанию А.Н. Селивановой, целенаправленно уничтожалась «кастовая» элитарная замкнутость «архитектурного сообщества, открывая его для руководства сверху (партией) и воздействия снизу (пролетариата)»²⁶. Так главный архитектурный

24 Светличный Б.Е., Габелко Н.К. Сталинск. М., 1954. С. 32-33; Светличный Б.Е., Огурин П.И. Сталинск. М., 1958., С. 16; НКМ. НФ-Д. Оп.1. Р. 6. Д. 173.

25 Громов В.П. Социалистический город Сталинск // Сибирские огни. 1939. №4. С. 76.

26 Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М., 2020. С. 58.

журнал СССР публикует в 1934 г. мнения рабочих о качестве советской архитектуры²⁷. Применительно к Новокузнецку отметим влияние (пусть и опосредованное) широких масс трудящихся на формируемый архитектурный облик города. Обратимся к воспоминаниям архитектора Герхарда Косселя (1909-2003), изданных в 1989 г. в Берлине. Г. Коссель в 1932-1936 гг. работал на Кузнецкстрое в должности инженера строительства соцгорода. По его проекту в 1933 г. в городе было построено первое капитальное здание драматического театра Сталинска (Театр металлургов), выполненное в конструктивистском стиле; к 1935 г. по проектам Косселя завершается строительство двух корпусов общежития металлургов с переходом-столовой и первым городским универмагом на первом этаже (близ проектируемой Центральной площади с Домом советов). По проекту архитектора Косселя заканчивается к 1939 г. строительство Дома связи (почтамт на пр. Металлургов, 21; проект 1934 г.), выполненном уже в постконструктивистском стиле. Г. Коссель принимал участие и в проектировании «на месте» дворца культуры металлургов, разработанному архитекторами Мастерской № 2 Горстройпроекта в рамках реализации генплана Сталинска. О трансформации проекта здания клуба в Новокузнецке немецкий зодчий вспоминает: «Новый этап «социалистического строительства» был начат в Новокузнецке со строительства Клуба металлургов... В Германии на основе этого проекта при применении высококачественных материалов и безукоризненном выполнении строительных работ было бы построено приличное здание в стиле «Баухауза». В Новокузнецке, при имеющихся в то время условиях, такой результат не мог быть достигнут. Получилось бы здание, вызывающее представление о большом сарае, а не представление о Клубе металлургов... Первые эскизы мы обсуждали с рабочими домен и сталелитейного завода. Для большинства наших собеседников было нелегко четко выразить свое мнение. Мы, однако, поняли, какое значение имело для рабочих получить собственный клуб со светлыми, теплыми помещениями для учебы, с большим читальным залом, с маленькой сценой и спортивным залом. По правилам классической архитектуры здание получило цоколь из каменных блоков. Фасад был расчленен пилястрами и заканчивался

27 Рабочий счет архитектору // Архитектура СССР. 1934. № 12. С. 16–17.

карнизом. Вход был отмечен пристройкой на колоннах. Несмотря на более сложное оформление фасадов, штукатурные работы были выполнены в лучшем, чем обычно, качестве»²⁸.

Ровесник и коллега Г. Коссея по проектированию клуба металлургов «на месте», новокузнецкий архитектор Григорий Петрович Шкрядо (1908-2000), не оценивший потенциала привезенного в Новокузнецк проекта, в своих воспоминаниях отмечал: «Дворец культуры запроектировали два московских архитектора, тогда модный стиль был, что называется «балка-палка и стекло» — по Корбюзье — никакой архитектуры — голая стена. Вот такой клуб и был запроектирован на три этажа»²⁹.

В целом, здание клуба металлургов, проектируемое изначально в связке с театром, было выстроено к ноябрю 1936 г. автономно, без перехода и левого (северного) театрального объема. Здание все еще тяготеет к конструктивистскому канону: угадывается функционал представленных в простых геометрических формах дополнительных объемов — двухэтажный спортивный зал и круглый в плане двухступенчатый объем читального зала библиотеки с западного торца. На торцевом и заднем фасаде сплошное вертикальное остекление лестничных клеток, выделенных ризалитами. Наряду с этим, ленточные балконы по второму этажу оформлены кессонированным поясом, а главный вход во Дворец со стороны площади выделен мощным открытым сверху портиком на шести четырехгранных столбах. Высокий аттик по периметру декорирован барельефами. Таким образом, конструктивистская строгость здания дополнена включением в общую композицию неоклассических элементов. Отдельного внимания заслуживают и интерьеры клуба. Накануне открытия городская газета сообщала: «Заканчиваются отделочные работы в клубе металлургов. Для клуба закуплено в Москве различное оборудование... Получены 26 персидских ковров, дорожек. Прибыли большие репродукции с картин». «Читальный зал, вестибюль, лестницы отделываются искусственным мрамором... Комната отдыха, читальный зал отделываются под красное дерево. Паркетный пол готов, сейчас его отделывают. Здание фасада клуба

28 Цит. по: Лизюгуб П.П. Немцы в городе: «немецкий след» в архитектуре Новокузнецка 1930-х годов // Наш город Новокузнецк. 2017. № 1. С. 52–53.

29 НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 72. Л. 2.

облицовывается диким камнем... Перед зданием клуба разбивается новый сквер, цветник, устанавливается фонтан».

Плеяда новокузнецких зодчих, по проектам которых во второй половине 1930-х гг. в городе возводятся общественные и административные здания в русле первых попыток освоения классического наследия, была представлена молодыми специалистами. Творческий путь архитекторов города начинался во время отказа от авангардистских тенденций, в эпоху расцвета постконструктивизма. В городе не было и не могло быть своей школы. Все конструктивистские проекты первой половины 1930-х гг. приходили на строительную площадку, как правило, «из центра».

Первый главный архитектор Новокузнецка Николай Владимирович Фризель (1893-1938) в 1930 г. окончил инженерно-строительный факультет Томского технологического института и работал заместителем заведующего строительного отдела Кузнецкстроя. Н.В. Фризель руководил проектными работами на стройплощадке КМК. Фризель — автор проекта планировок для барачного поселка Нижней колонии и проекта благоустройства и архитектурного оформления КМК. 14 февраля 1934 г. назначается главным архитектором г. Сталинска (формально с 1 сентября 1933 г.)³⁰. Отметим, что появление в городах должности главных архитекторов города, вслед за созданием Союза советских архитекторов, и, соответственно, прекращение своего независимого существования отдельных группировок авангарда, позволяет говорить о формально-бюрократической стороне унификации градостроительных подходов. Осенью 1936 г. Н.В. Фризель переезжает в Новосибирск, где преподает в Новосибирском инженерно-строительном институте.

Автор большого неоклассического ансамбля в северной части пр. Metallургов уже второй половины 1940-х гг., новокузнецкий архитектор Николай Александрович Бровкин (1901-1981), приступил к активной работе в качестве архитектора в проектно-бюро при Управлении капитального строительства КМК в 1936 г., что отмечал в своих воспоминаниях: «В 1934 г. несколько техников-строителей — Симонов, Попов и я — поступили на учебу в Новосибирский инженерно-

30 ГАК в Новокузнецке. Р-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 77.

строительный институт. Как техников нас приняли на третий курс... В 1936 г. по окончании института я вернулся в Новокузнецк»³¹. В довоенный период по проекту Н.А. Бровкин в Новокузнецке построено здание магазина гастронома с рестораном «Москва» (совместно с Д.Н. Симоновым и А.Р. Поповым). Построенный к 1938 г. и открытый в 1939 г. ресторан с гастрономом в Сталинске стал очередным примером постконструктивистской архитектуры еще с отказом от использования классических ордеров, но уже с небольшим включением классическим декором. Наряду с асимметричностью и простотой формирования объемов, здание украшено полуколоннами, завершенными вазонами на подкарнизной части фасада. В отличие от фасада, более уверенный шаг к классическому антуражу выполнен силами скульптурной мастерской Сталинска, работавшей в 1937 г. над оформлением интерьеров для залов гастронома и ресторана.

Н.А. Бровкин фигурирует и как автор проекта Дома ударника на пр. Металлургов, 25. Изначально проект 5-6-этажного жилого здания для металлургов-ударников был разработан архитектором Мастерской № 2 Горстройпроекта Львом Бенционовичем Катком (1904-1970) в 1934 г. В 1938 г., уже в Сталинске, проект перерабатывается Н.А. Бровкиным. Изменения коснулись этажности (добавлен еще один этаж, здание стало 6-7-этажным), планировки квартир и изменения фасадных решений. Здание полностью сдано в эксплуатацию в 1941 г. Архитектура здания является примером отхода от постконструктивизма в сторону неоклассики. Отличается от своих предшественников более четкой прорисовкой элементов фасада, хотя некоторые детали еще напоминают о приемах конструктивизма: ленточные балконы верхнего этажа, высокие парапеты, вертикальное остекление лестничных клеток. Строение представляет собой незамкнутую экспозицию из четырех объемов. Обращенный к проспекту фасад имеет повышенный центр — семь этажей, остальные объемы шестизэтажные. Центром композиции служит прямоугольный двор-сад, открытый с одной стороны, имеющий пропорции, близкие к квадрату. Дворовые фасады решены теми же средствами, что и фасады внешние. Сквер, разбитый во дворе, зелень деревьев в сочетании со светлым тоном штукатурки дворовых

31 ГАК в Новокузнецке. Р-137. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

фасадов, на которых ритмично расположены балконы, создают приятный контраст с оживленной и шумной улицей. Открытая сторона двора обращена на тихий внутриквартальный проезд и противоположна направлению господствующих ветров, защищая здание от «выдувания».

Постконструктивистское оформление использовалось не только при строительстве зданий. В 1934 г. ведутся активные работы по благоустройству ул. Тоннельной, дороги от автомобильно-пешеходного тоннеля под КМК до Верхней колонии (поселка для инженерно-технических работников комбината). Мощные ступенчатые парапеты Тоннельной улицы, отделанные тесаным бутовым камнем, соединили жилой массив с парадным порталом тоннеля, который к концу 1930-х гг. был решен в античном стиле. В самом тоннеле в 1934 г. производится отделка стен мраморной крошкой. Все это действовало в общей логике советской архитектуры: «Требовалось, чтобы цвет и фактура постконструктивистского сооружения были утрированно материальны, а значит земными и органическими. Облицовка натуральным камнем или добавление каменной, мраморной, гранитной крошки в смеси придавали зданию вид выросшего из земли»³². И действительно, многие из постконструктивистских зданий Новокузнецка отличала «натуралистичность» цвета, в отличие от выкрашенных в теплые тона неоклассических зданий 1940-1950-х гг.

Формирование городской инфраструктуры в 1930-е гг. добавляло еще один уверенный штрих к формирующейся патетике. Архитектура ощутила на себе непосредственный заказ со стороны масс трудящихся на оформление города с включением в общественные пространства скульптур и фонтанов, оформляющих скверы и сады города. Наряду с этим можно говорить и об обращении архитекторов к «человечности» в буквальном понимании. Городская пресса с середины 1930-х гг. активно освещает работу художников и скульпторов Сталинска. Архитекторы активно обращаются к использованию барельефов (Дворец культуры металлургов, здание заводоуправления комбината). К 1936 г. заканчивается благоустройство сквера металлургов (между дворцом

32 Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М., 2020. С. 261.

культуры и кинотеатром «Коммунар»). Над оформлением парковой зоны работала интернациональная бригада: Г. Коссель (автор проекта планировки, 1935 г.), скульпторы А.Г. Гамулин (фонтан «Бурильщики», 1936 г.), В. Ламмерт и А.И. Сузиков (скульптуры металлургов перед центральным входом в парк, 1936 г.). О необходимости связи монументальных архитектурных форм и скульптуры с природой (в духе соцреализма) пишет в 1939 г. главный архитектор города В.П. Громов: «Принципы современного проекта города Сталинска — это принципы социалистического реализма. Город должен и будет выражать идею того общества, ради которого он создается. Его здания должны быть высоко художественными по своей архитектуре, эмоционально насыщенной, монументальной, связанной во всех деталях с окружающей природой»³³.

Трансформацию доминирующего архитектурного стиля в середине 1930-х гг. иллюстрирует и здание гостиницы, построенное на Верхней колонии. За основу принят проект гостиницы 1932 г. для Нижнего Тагила, подготовленный уже упомянутым выше Б.В. Данчицем (проектировавшим в 1930 г. для Кузнецкстроя здание ФЗУ) и архитекторами Ушаковым и Болотиным³⁴. Изначальный проект был доработан Сибирским отделением Стандартторпроекта в 1932 г. — этажность центральной части гостиницы, соединяющей два симметричных четырехэтажных корпуса, была увеличена с двух до пяти этажей³⁵. Первая очередь гостиницы (4-этажное крыло и задний одноэтажный корпус) сдана в эксплуатацию в 1934 г. — 4 сентября в гостиницу заселились первые жильцы. Полностью здание достроено в 1936 г., но левое крыло (1934) оставалось «конструктивистским», а правое (1936) сразу же обрело неглубокий руст, штукатурные оконные наличники и выполненную в строгих геометрических формах балюстраду на крыше. Перед центральным и правым входом разместились железобетонные вазоны. Скульптурную отделку здания в 1935-1936 гг. проводила скульптурная мастерская г. Сталинска (при участии известного сибирского скульптора А.Г. Гамулина). Помимо гостиничных номеров в здании

33 Громов В.П. Социалистический город Сталинск // Сибирские огни. 1939. № 4. С. 75.

34 Ежегодник общества архитекторов-художников. 1935. Вып. 14. С. 47.

35 ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 22.

работали клуб, сберкасса, ресторан, магазин и парикмахерская. В конце 1930-х гг. левое крыло еще не оформленное «неоклассически», в отличие центральной и правой части, еще тяготело к конструктивистской архитектуре. Послевоенная реконструкция гостиницы унифицировала фасад, сделав здание одним из примеров неоклассического переустройства.

Продолжая, отметим, что во второй половине 1930-х гг. трансформируются конструктивистские фасады и других выстроенных в начале десятилетия зданий, которые «переодеваются» под классику. Фасад кинотеатра «Коммунар» украсили выступающие карнизы, по уровню второго этажа был проложен кессонированный пояс с прямоугольным членением. Лицевая стена объема лестничной клетки была покрыта ромбовидным декором, оформлен парадный вход. В 1936 г. часть здания фабрично-заводского училища выделяется под Театр юного зрителя. Фасад ФЗУ, заполучив новую входную группу, приобретает сдержанный неоклассический вид. К 1936 г. здание заводу управления КМК на площади Побед дополняется пластическим оформлением – пилястры, подоконные филенки, руст, центральный прямоугольный аттик стал ступенчатым, а простеночные пилястры завершались барельефами. Таким образом, постконструктивизм становится «универсальным лекарством, способным, в отличие от авангарда и футуризма, нивелировать социальный дисбаланс на уровне массовой культуры, погружив потребителя в комфортную среду, полную приятных глазу аллюзий с классическим или национальным наследием»³⁶.

На подступах к утверждению генерального плана города намечались пути исправления и более радикальных «ошибок» начала 1930-х гг.: «При дальнейшей разработке эскизного проекта застройки 1934 г. считать необходимым проработать промежуточный вариант с тем, чтобы проверить приемлемость перенесения магистралей к югу, а также возможность хирургического вмешательства в отношении срезы части домов и передвижки некоторых фундаментов»³⁷.

36 Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М., 2020. С. 102.

37 ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7880. Л. 1.

Нереализованной в довоенный период постконструктивистской постройкой можно считать здание универмага на ул. Кирова, 20 (Проект Новосибирского отделения Горстройпроекта, 1935 г.). Активное строительство начинается в 1938 г. К началу Великой Отечественной войны универмаг не был достроен, и к строительству возвращаются в начале 1950-х. Достройка осуществлялась по чертежам Горпроекта и проектного отдела КМК (арх. П.И. Отурин)³⁸. Простые по меркам сталинской послевоенной архитектуры постконструктивистские фасады достроенного к 1956 г. здания были усложнены большим количеством лепных украшений с использованием советской символики.

Советские города-новостройки после промышленного рывка первой пятилетки нуждались в освоении новой территории. Применительно к Сталинску (в котором, по словам начальника Кузнецкстроя, решено было на рубеже 1920-1930-х гг. «прежде всего строить промышленные цехи и не в ущерб им — жилище»³⁹), с начала 1930-х остро встает вопрос о расширении городской черты. Формирующийся центр города был очень компактен и окружен болотами. В рамках обсуждения генплана города посчитали целесообразным освоение для сельтбы территорий по берегам рек в отдалении от комбината. Развитие транспортной системы в городе также требовало организации городских магистралей и широких парадных проспектов, предусмотренных проектируемым генпланом.

Первоначально весь общественный и жилой центр тяготел к заводу и концентрировался близ площади Побед перед КМК (выстроенные рядом здания драмтеатра, ФЗУ, ВТУЗА, детского дома культуры, первых 10 каменных домов). К 1932 г. наблюдается отказ от производственной доминанты. «Город при заводе» с центральной площадью Побед перед заводоуправлением уступает место административного и общественного центра формирующейся Центральной площади. И.С. Гуревич (руководитель группы разработчиков первого генплана города) ставил перед собой задачу: «дать общую схему города, выражающую во всей своей структуре идею концентрированного

38 ГАК в Новокузнецке. Р-253. Оп. 1. Д. 101. Л. 557-559.

39 Франкфурт С.М. Рождение стали и человека. М.: Изд-во «Старый большевик», 1935. С. 158.

города и концентрированного комбината в их взаимодействии». Показательно то, что, исправляя ошибки конца 1920-х гг., поселок Верхняя колония, расположенный в непосредственной близости к комбинату, к 1935 г. признают аварийным с допущением возведения здесь капитальных зданий лишь после того, как будут найдены способы «улавливания заводских аэрозолей»⁴⁰.

Тогда же наблюдается постепенное угасание Верхней колонии как «элитного» района. Инженеры, партийные деятели, чиновники (что подтверждается газетными объявлениями той поры по поиску домработниц и репетиторов, утерянных дорожных вещей или продажи богатой мебельной обстановки) перебираются в новый, формируемый центр на ул. Кирова, в новые постконструктивистские дома. Здесь стоит подчеркнуть кардинальные изменения культуры потребления советских граждан. Эти изменения нашли отражение и в специфической организации интерьеров и экстерьеров возводимых зданий (с явно подчеркнутой монументальностью торговых залов, просторных помещений ресторанов и кондитерских). Визуально подтверждается это и художественным оформлением объявлений магазинов и заведений общепита, которым с середины 1930-х гг. отводится значительное место в городской газете. Визуальная сторона подобных трансформаций ярко прослеживается и в фотографиях того времени — на смену аскетизму и аккуратности начала 1930-х гг. приходят богатое убранство магазинов, кафе и театров. Новые для советского гражданина практики досуга с западными танцами и «теа-джазом» легитимизируются органами печати, призывающими отказаться от «пошлости нарочитого аскетизма, еще так недавно считавшуюся хорошим советским тоном». На смену бытовым лишениям первой пятилетки приходит достаток и комфорт «сталинского неонэпа»⁴¹. Вместе с отказом от авангарда в архитектуре, советское правительство порывает и с социальными экспериментами. Поддержка института семьи находит свое отражение в многочисленных постановлениях горсовета по выплате пособий многодетным матерям, дублируя списки в городской прессе. После запрета в 1936 г. абортов, разворачиваются показательные процессы над

40 ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7882. Л. 80.

41 см.: Роговин В.З. Сталинский неонэп (1934–1936 годы). М., 1995.

«абортмахершами», организаторами «подпольных абортариев» и неплательщиками алиментов.

Публикации второй половины 1930-х гг., посвященные архитектуре и строительству в городе, акцентируют внимание на удобстве и комфорте новых жилых зданий. «В каждой квартире есть передняя, кухня, ванная, уборная, встроенные шкафы. Но это не предел удобств, комфортабельности. Во вновь строящихся жилых зданиях будет еще целый ряд улучшений. В достраиваемом доме № 9/22 [ул. Кирова, 18 — А.С.] ... оборудован, например, мусоропровод. Дом № 20 [пр. Металлургов, 25 — А.С.] ... будет иметь лестничные клетки с подъемными лифтами»⁴².

Спокойная и комфортная повседневность требовала и соответствующей организации городского пространства. Начинается попытка реализации, задуманного еще Э. Маем «дисперсного расселения», но с несколько иных позиций. В 1934 г. архитектор Моисей Гинзбург пишет: «Нас томит жажда больших пространств»⁴³. В связи с этим в рамках реализации генплана 1936 г. было решено значительно расширить селитебную территорию, осваивая новые районы, выходя к рекам: «...5. Расположение Центрального парка культуры и отдыха наметить при впадении р. Кондомы в р. Томь. 6. На территории Мохового болота предусмотреть озеленение с последующей организацией на этой территории городского парка»⁴⁴.

Таким образом, к особенностям становления и развития советской архитектуры переходного периода 1930-х гг., как отмечает ряд исследователей, стоит отнести, с одной стороны, комплексную реконструкцию устройства архитектурного сообщества путем включения в данный процесс архитектурно-партийной элиты, с другой стороны, творческие поиски архитекторов-конструктивистов, которых в классическом наследии интересовала скорее пропорциональная и ритмическая системы, нежели архетипические элементы.

Рассмотрев историю строительства Новокузнецка в 1930-е гг., отметим выявленные локальные (но во многом вписывающиеся в общий

42 Громов В.П. Социалистический город Сталинск // Сибирские огни. 1939. № 4. С. 76.

43 Гинзбург М.Я. Проблема интерьера // Архитектура СССР. 1934. № 7. С. 9.

44 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 132.

контекст) особенности становления и развития архитектуры постконструктивизма:

1. Отказ от концепта Первой пятилетки «город при заводе» и реализация идеи «концентрированного города и концентрированного комбината в их взаимодействии»;

2. Необходимость расширения селитебной территории, продиктованная ростом численности городского населения;

3. Трансформация и конструирование нового образа жизни. «Сталинский неонэп» предопределил высокие ожидания городского населения по поводу удобства и комфорта новых зданий, формировал новую культуру потребления и практики досуга;

4. В Новокузнецке во второй половине 1930-х гг. работали исключительно молодые архитекторы, профессиональное становление которых пришлось на время отказа от авангардистских тенденций и обращения к «освоению классики»;

5. Социальный заказ (как со стороны власти, так и со стороны широких масс трудящихся) на высокохудожественную, эмоционально насыщенную и монументальную архитектуру.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Букалова Л.М., Смолицкий А.С. План Сталинска // Архитектура СССР. 1936. № 1. С. 40–44.
2. Василенко С.С. Игнорирование заказов для Дворца Советов продолжается // Большеви́стская сталь. 1939. № 164.
3. Василенко С.С. Обеспечить выполнение заказов для строительства Дворца Советов // Большеви́стская сталь. 1939. № 159.
4. Веснин А.А., Веснин Л.А. Проект планировки города Кузнецка // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 7–8.
5. Гинзбург М.Я. Проблема интерьера // Архитектура СССР. 1934. № 7. С. 8–10.
6. Голосов И.А. Творческие отчеты // Архитектура СССР. 1935. № 4. С. 49–51.
7. Громов В.П. Социалистический город Сталинск // Сибирские огни. 1939. № 4. С.73–77.
8. Духанов С.С. Влияние региональных условий на проекты соцгородов Западной Сибири // Архитектон: известия вузов. 2016. №2 (54). С. 45–68.

9. Ежегодник общества архитекторов-художников. 1935. Вып. 14. 272 с.
10. Заказ для Дворца Советов // Большеви́стская сталь. 1938. № 158.
11. Конышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМарт, 2018. 360 с.
12. Кусаков В. Центральная площадь, Дом Советов и гостиница в Сталинске // Архитектура СССР. 1935. № 3. С. 35–36.
13. Лизогуб П.П. Формирование территории города Новокузнецка и его районирование // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2008. Вып. 10. С. 106–144.
14. Лизогуб П.П. Немцы в городе: «немецкий след» в архитектуре Новокузнецка 1930-х годов // Наш город Новокузнецк. 2017. № 1. С. 46–53.
15. Организуется дискуссия // Большеви́стская сталь. 1934. № 172.
16. Работы архитектурных мастерских Моссовета за 1934 г. Т. 2. М., 1936. 396 с.
17. Рабочий счет архитектору // Архитектура СССР. 1934. № 12. С. 16–17.
18. Роговин В.З. Сталинский неонэп (1934–1936 годы). М., 1995.
19. Светлицы́й Б.Е. Огурин П.И. Сталинск. М.: Госстройиздат, 1958. 30 с.
20. Светлицы́й Б.Е. Габелко Н.К. Сталинск. М.: Гос. Изд-во лит. по стр-ву и архитектуре, 1954. 80 с.
21. Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. 2-е изд. М.: БуксМАрт, 2020. 320 с.
22. Франкфурт С.М. Рождение стали и человека. М.: Изд-во «Старый большевик», 1935. 267 с.
23. Хренов И.П. От Кузнецкстроя к Кузнецкому металлургическому гиганту. М.; Л.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. 63 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 18. Д. 132.
2. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 132.
3. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 22.
4. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 65.
5. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 66.
6. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7880. Л. 1.
7. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7882. Л. 80.
8. Новокузнецкий краеведческий музей, научно-документальный фонд (НКМ, НФ-Д), Оп. 1. Р. 3. Д. 72. Л. 2.

9. НКМ. НФ-Д, Оп.1. Р. 6. Д. 18. Л. 191-192.
10. Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кузбасса в г. Новокузнецке» (ГАК в Новокузнецке). Р-1, Оп. 1. Д. 67. Л. 56.
11. ГАК в Новокузнецке. Р-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 77.
12. ГАК в Новокузнецке. Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 122-123.
13. ГАК в Новокузнецке. Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 55.
14. ГАК в Новокузнецке. Р-253. Оп. 1. Д. 101. Л. 557-559
15. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 29. Д. 1070. Л. 130.
16. РГАЭ. Ф. 9028. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.